

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Истоки советской разведки	6
Глава II. Франция перед Второй мировой войной	22
Глава III. Германия перед Второй мировой войной	55
Глава IV. Военные годы в Европе	106
Глава V. Швейцарская сеть во время войны	141
Глава VI. Германия: «Красная капелла»	178
Глава VII. Канадская сеть	203
Глава VIII. Европа после войны	223
Глава IX. Соединенные Штаты Америки	283
Глава X. Фатализм советской разведки	355
<i>Л. Гурджиев. Вместо послесловия. Предметный урок «холодной войны»</i>	<i>362</i>
<i>О. Хлобустов. Разведка и контрразведка в XX веке</i>	<i>402</i>
Примечания	419

Глава I

ИСТОКИ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

СТАРОЕ И НОВОЕ

Хотя разведывательная сеть, созданная в старой России перед началом и во время Первой мировой войны, почти не уступала системам ее западных союзников и противников, советский режим был вынужден создавать свою секретную службу на голом месте. Скорее по причине революционных настроений, чем из практических соображений царская государственная машина была разрушена до самого основания, и прежние агенты использовались только в виде исключения. Дореволюционные полиция и служба разведки не входили в число институтов, к которым новая власть относилась достаточно терпимо.

Техника, методы и персонал новой секретной службы были заимствованы скорее из подпольного опыта русских революционных партий, чем из старой тайной полиции и разведки. Два поколения революционеров до 1917 года довели подпольную технику до беспрецедентно высокого уровня. «Конспирация», которая в русском понимании означала свод неукоснительных правил тайной политической деятельности, вошла в кровь и плоть революционеров. Искусство подделывания паспортов достигло совершенства, широко применялись шифры, хотя зачастую и примитивные, симпатические чернила, телеграфные коды. Нелегальную литературу и оружие доставляли на место, используя технику «двойного дна». Многие термины, поныне применяемые в советских секретных службах, пришли из дореволюционного подполья. «Явка» — это дом или квартира, куда является агент, «дубок» — место, где спрятаны сообщения, «нелегал» — человек с фальшивым паспортом, «больница» — тюрьма, «болезнь» — арест и т. д.

Руководство секретной службы за границей набиралось из рядов зрелых коммунистов. Прошло целое десятилетие, прежде чем за границу были посланы молодые выпускники разведывательных школ.

Первой советской организацией, которая начала систематическую разведывательную работу за границей, была ЧК под руководством Феликса Дзержинского¹. Её иностранный

отдел (ИНО) был организован в 1921 году. Примерно в это же время приступили к работе и другие службы. Военный комиссариат под руководством Льва Троцкого создал собственный разведывательный орган. Комиссариат иностранных дел во главе с Чичериным и Литвиновым собирал секретную политическую информацию с помощью своих официальных и полуофициальных представителей за границей. Коммунистический Интернационал, которым руководил Зиновьев, обладал развитой сетью в зарубежных странах и стал центром, куда стекалась обильная информация из всех важных столиц. Народный комиссариат внешней торговли, руководимый Красиным, собирал через свои легальные торговые связи сведения главным образом по экономическим вопросам. Центральный Комитет Коммунистической партии имел агентов, которые доносили о жизни в колониях сограждан за рубежом и о событиях в коммунистическом движении.

Перед ЧК и ее многочисленными преемниками (далее будем называть их просто НКВД) ставилась главная задача — борьба с контрреволюцией. Была задействована контрразведка. Шпионаж за рубежом не входил в круг ее обязанностей. Теоретически на ЧК и ее преемников, несмотря на их агрессивные признаки, возлагались оборонительные функции, как и на ФБР в Соединенных Штатах. Целью была борьба с тайными политическими организациями и иностранными шпионами внутри страны, которая не предусматривает никаких операций за пределами страны. Когда Ленин впервые предложил создать ЧК, предполагалось, что она будет наделена «чрезвычайными полномочиями для борьбы с контрреволюцией». Сталин также подчеркивал, что ГПУ призвано защищать революцию против контрреволюции, саботажа, кулацких мятежей, тайных белогвардейцев².

Иностранный отдел ЧК (ИНО) был основан в 1921 году, и во главе его стал ветеран-большевик Михаил Трилиссер³. К тому времени остатки белых армий, бегущих из России, докатились до Балкан, многие тысячи эмигрантов осели в Париже и Берлине. Чтобы расколоть политическую эмиграцию и развалить сохранившиеся русские антисоветские военные силы, ЧК посылала своих агентов и набирала шпионов и провокаторов среди эмигрантов. Эти действия, хотя и проводились на зарубежных территориях, все еще рассматривались как вынужденная оборона — как «борьба против контрреволюции».

Вскоре, однако, ИНО и его агенты за рубежом перешли от оборонительной стратегии к наступательной и сосредоточили свое внимание главным образом на политической инфор-

мации и закулисных событиях. Новые резиденты НКВД об-служивали Коминтерн, особенно его нелегальные маршруты пересечения границ. Они находились в тесном контакте с новым коммунистическим подпольем в разных странах, перевозили оружие, создавали Т-группы (террор), Д-группы (диверсии), чтобы быть готовыми на случай «неизбежной» революции. Только к середине 20-х годов революционный хаос начальных лет сменился бюрократическим порядком, потребовалась большая эффективность работы, начали поступать точные приказы. Разведдеятельность всех видов стал неотъемлемой частью НКВД: шпионаж против русской эмиграции, шпионаж против зарубежных стран, тотальная слежка за советскими гражданами за границей. Советские посольства и дипломатические миссии служили прикрытием тайной деятельности НКВД.

Вторым советским агентством с разведывательными функциями был Четвертый отдел Генерального штаба Красной Армии, позже переименованный в ГРУ — Главное разведывательное управление, иногда сокращённо называемое «Разведупр». О нем никогда не писали в прессе, оно избегало известности, но никогда не скрывало своих целей и функций. Иногда, в силу необходимости, советским разведывательным органам приходилось работать в контакте с иностранными спецслужбами. Так, например, во время Второй мировой войны ГРУ и его шефы официально действовали совместно с американской и британской разведками. Первым начальником ГРУ и его главой в течение пятнадцати лет был Ян Берзин, выдающаяся личность и прекрасный организатор. Он начинал как товарищ Берзин, потом стал армейским комиссаром Берзиным, потом генералом Берзиным, а кончил свои дни обвиняемым Берзиным. Его приговорили к смерти и казнили.⁴

По своей структуре и роду деятельности ГРУ не отличалось от военных разведывательных органов иностранных армий. Его главными агентами за рубежом были военные, военно-воздушные и военно-морские атташе и их сотрудники. В числе его подразделений в Москве были такие, которые занимались руководством заграничными агентами, отбором и оценкой информации, радиосвязью, кодами, диверсиями, фальшивыми документами и другими вопросами. Некоторые агенты ГРУ были хорошо известны: Клаус Фукс, супруги Розенберг, Рихард Зорге, Бруно Понтекорво и те русские, с которыми они имели контакты, как, например, Анатолий Яковлев, Валентин Губичев и многие другие.

Четкого разделения функций между НКВД и ГРУ никогда не существовало. Формально армия и флот, мобилизационные планы и новые виды вооружения относятся к области военной разведки, а идеологические операции, соглашения, секретные договоры — к области интересов НКВД. Но на самом деле их функции все время перекрывались, и сфера полномочий никогда точно не определялась, что было отнюдь не случайно.

НКВД всегда преобладала над другими структурами, она могла рекрутировать информаторов из их персонала и внедрять туда своих людей, когда считала это необходимым. Армия не составляла исключения, все ее подразделения были насыщены информаторами НКВД. Не было ни одного батальона или офицерского клуба, где не было бы «внутреннего» информатора НКВД. Это в равной мере относится и к разведывательным структурам ГРУ за границей. НКВД за рубежом тщательно следит за персоналом военной разведки — военными аташе, их сотрудниками и агентами, их корреспонденцией и общественными контактами. Армия не имеет равных с НКВД прав, она не может проникнуть в ее подразделения или следить за ее персоналом, не может никого из них арестовать или наказать. Она постоянно находится под угрозой террора, но лишена возможности применить контрмеры. Агенты ГРУ каждый день рискуют жизнью в своей тайной работе за рубежом, находясь под неусыпным, безжалостным и раздражающим надзором соперничающей структуры.

Длительное время Сталин поддерживал нечто вроде шаткого баланса между армией и НКВД, поощрял соперничество между ними, что распространялось и на их зарубежные структуры, возбуждал взаимную подозрительность. Сталин не мог отдать предпочтение армии, потому что победа военных в их конфликте с НКВД означала бы ослабление жесткого партийного руководства и угрожала подрывом его власти. Но точно так же было невозможно отдать армию на съедение НКВД, что разрушило бы советские вооруженные силы. До середины 30-х годов НКВД и военная разведка сосуществовали относительно мирно, хотя их внешние органы работали в условиях жестокой конкуренции. Но в 1936 — 1937 годах Сталин нарушил это равновесие. Дело Тухачевского, сфабрикованные заговоры с их ужасающими подробностями, аресты и ссылки тысяч военных означали победу и отмщение НКВД над своим заклятым врагом — армией. В чистке, которая последовала за делом Тухачевского, большое число лучших военных разведчиков кануло в вечность. И к 1938—1939 годам ослаблен-

ное и беспомощное ГРУ предстало перед торжествующей победой НКВД.

Во время войны армия снова заняла почетное место, и соперничество между разведывательными структурами за рубежом несколько поутихло. Было налажено сотрудничество между НКВД, ГРУ и агентами Коминтерна. После окончания войны появился КИ — Комитет информации (КИ), в котором НКВД и ГРУ должны были работать совместно под контролем Министерства иностранных дел. Но этот эксперимент был признан неудачным, в 1948 году ГРУ заняло свое прежнее независимое положение, а КИ в 1951 году просто стал частью НКВД⁵.

После 1945 года НКВД все же взяла верх над армией, и внешним признаком этого было возвышение шефа НКВД Лаврентия Берия до маршала и присвоение высоких воинских званий руководству НКВД. Одним из признаков усиления НКВД в первое послевоенное десятилетие был резкий рост ее активности за рубежом, которая превзошла разведывательную деятельность Советской Армии.

Особенность советской разведки состояла еще и в том, что высшее руководство ею всегда принадлежало Центральному Комитету Коммунистической партии. От ГРУ, от Иностранного отдела НКВД, от Министерства внешней торговли, от собственных агентов за рубежом Центральный отдел информации Политбюро с середины тридцатых годов получал такой объем информации, каким не располагало ни одно правительство. Во времена сталинского режима Центральный отдел информации был частью его личной канцелярии, а его руководителем в течение многих лет являлся Георгий Маленков — помощник Сталина⁶.

Советские разведывательные органы за границей состояли из официально признанных посольств и дипломатических миссий, а также большого числа тайных групп и отдельных агентов.

Советское посольство — это даже не источник, а фонтан информации, это структура, которая содержит четыре, а иногда и пять составных частей. Внутри него оба советских разведывательных органа держат своих сотрудников: ГРУ, чью группу возглавляет военный атташе, и НКВД, чьи работники занимают должности секретарей, советников или атташе. Другие советские организации также имеют своих представителей среди персонала посольства. Они тоже часто выполняют тайные функции. Хотя агенты юридически являются сотрудниками посольства и обладают дипломатическим иммунитетом, они подчиняются своему московскому начальству и

практически не зависят от посла. Каждый из них имеет свой штат, код, бюджет и секреты, которыми ему запрещается делиться со своими коллегами. Официальные названия должностей часто могут ввести в заблуждение: скромный привратник нередко оказывается представителем серьезной организации, секретари служат посредниками в сношениях с тайной агентурой, все без исключения дипломатические курьеры являются работниками НКВД.

В дополнение к официальным представителям в зарубежных странах работала сеть агентов со своими субагентами, ресурсами, фондами и каналами связи с Москвой, о которых не знали ни военные атташе, ни другие посольские разведчики. Они являлись существенной частью советского разведывательного аппарата. Агенты этого класса выполняли множество задач. Их доклады позволяли Москве проверять данные, полученные из других источников, а в случае войны или разрыва дипломатических отношений эти резиденты продолжали работу и служили центром разведывательной сети. К тому же слежка за дипломатическим персоналом, как это бывает во многих странах, не могла вывести на них полицию. До того, как советское правительство получило признание и прежде, чем начали работать первые торговые представительства, этот вид разведывательной деятельности был единственно возможным. Во время войны 1941 — 1945 годов он приобрел большой размах, особенно в Швейцарии и Германии.

Многие правила конспирации и техники шпионажа были заимствованы из дореволюционной практики, а потом обновлены и усовершенствованы. Однако начали использоваться также новая техника и научные достижения.

В качестве самой простой защиты служат псевдонимы. Все клички присваиваются только московским Центром. Эта предосторожность необходима для того, чтобы избежать дублирования. Резиденты и агенты знают друг друга только по псевдонимам, по понятным причинам строго запрещается пытаться узнать настоящее имя.

Среди новых терминов появились такие, как «музыкальная шкатулка» — радиопередатчик, «башмак» — паспорт, «сапожник» — специалист по подделке паспортов. Местная коммунистическая партия — «корпорация», другие агенты в данной стране (или в посольстве страны) — «соседи». Применяются также условные названия государств. Так, Германия может называться «Джерси», Франция — «Флоренция», Британия — «Бразилия». Шеф военной разведки в Москве — «директор», а его первый заместитель — «командир».

Существует правило, по которому агенты не должны приходить домой друг к другу или звонить по телефону из дома, если только речь не идёт о совсем невинном деле. Нельзя посылать письмо непосредственно члену своей группы, вся корреспонденция должна идти через людей, с которыми агент поддерживает дружеские отношения и которые не являются активными коммунистами. Письменные сообщения должны быть уничтожены как можно быстрее (кроме, разумеется, случаев, когда это происходит в офисе посольства). Накопление документов и ведение дневника считается преступным действием.

Встреча двух советских разведчиков обычно происходит в людных местах, например в музее или в почтовом отделении. Если встреча назначена на улице, то место и время выбираются так, чтобы отдельный пешеход не привлекал внимания.

Пунктуальность очень важна, агент не должен ждать на условленном месте слишком долго, если связной опаздывает, он уходит и возвращается туда несколько позже. Оба агента пользуются паролями, состоящими из одной-двух фраз: «Как там Элли?» Ответ: «Она в порядке». Или: «Как короче всего пройти на Стрэнд?» — «Пойдёмте вместе, я как раз туда иду». Для женщин-агентов часто заранее предписывается одежда, например черная шляпка или коричневая сумочка.

Корреспонденция для сохранения секретности ведётся в кодах. Каждое отделение секретной службы за границей, каждая легальная или нелегальная группа имеет свой код. Внутри каждого посольства одновременно могут применяться четыре или пять кодов. Они отбираются с большой осторожностью, так как контрразведки всех стран охотятся за ними и пытаются их взломать. Поэтому через определенные промежутки времени они могут меняться.

Изготовление паспортов является другим важным элементом конспирации. Большое число хороших «сапожников» обучаются в Москве, но из германского подполья выходят даже более умелые мастера.

Среди новых средств, используемых советскими спецслужбами, самыми важными являются микрофотография и коротковолновые радиации.

Фотография заменила симпатические чернила, которыми пользовались раньше. В фотолабораториях секретные документы и личные доклады переводятся на микроплёнку, которую нетрудно доставить в Москву. Кодированные сообщения, передающиеся по главным каналам связи, являются излюбленным видом корреспонденции. Официальные советские миссии в зарубежных странах имеют привилегию от-

правлять и получать кодированные сообщения, даже если это запрещено местным законодательством. Главной фигурой в секретной связи является курьер. Курьер лучше, чем почта, служит для целей связи. Он знаком с пограничными правилами, знает контакты и явки, а если его схватят, то полиция все равно не сможет расшифровать сообщения, которые были при нем. Наконец, вализа (мешок для перевозки диппочты) в руках дипкурьера — это самый безопасный способ передачи наиболее секретных сообщений в Москву и обратно.

Радио стали применять в конце двадцатых годов, как для легальной связи между советским правительством и его представительствами, так и для обмена сообщениями между агентами и Центром. По сравнению с другими средствами коротковолновая аппаратура представляет большую опасность для агента. Совершенствование методов радиопеленгации позволяет полиции выйти на работающий передатчик. Намного проще и безопаснее передать каким-либо способом сообщение в посольство или послать курьера. Эти соображения, однако, относятся только к мирному времени, во время войны все меняется и преимущество радиосвязи становится неоспоримым. Во время Первой мировой войны, когда коротковолновая радиоаппаратура еще не применялась секретными агентами, русские шпионы в Германии должны были посылать свои рапорты в нейтральную страну (Данию или Швецию), чтобы дальше в Петроград они шли легальным путем. Сообщение из Германии до русской столицы иногда шло так долго, что за время пути стратегическая информация теряла свое значение.

Обстановка во время Второй мировой войны была совсем другой. За какие-то минуты детальный рапорт о готовящемся наступлении или важном решении германского правительства мгновенно долетал из Женевы или Берлина до Москвы, через сражающиеся фронты и пылающие города. Место шпиона, который, маскируясь под пастуха, пересекал линию фронта с написанным от руки сообщением, спрятанным под подкладку картуза, теперь занял радист, который по ночам передает и принимает шифрованные сообщения для шпионской сети. Задачи контрразведки тоже изменились. Она теперь должна отслеживать тайные коротковолновые сообщения в эфире, записывать и пытаться расшифровать их, определять положение передающих станций с помощью современной аппаратуры. Во время непрерывной борьбы между разведкой и контрразведкой постоянно изобретаются новые аппараты и методы: радиостанции постоянно меняют место, и полиция

прибывает слишком поздно, рации устанавливаются на движущейся лодке, размещаются у границ с нейтральными странами и т. д.

Главная опасность при применении коротковолновых передатчиков состояла в том, что, когда полиция ловила шпиона, она могла вынудить его работать в качестве агента против своей страны. В главах, посвященных советской разведке во время Второй мировой войны, мы узнаем о многих советских шпионах, схваченных Германией или ее союзниками, которых под страхом смерти заставили дезинформировать Генеральный штаб в Москве, посылая радиogramмы, текст которых был составлен абвером.

Коротковолновое радио было взято на вооружение НКВД и Коминтерном в 1927 году. Среди других радиошкол в России была одна специальная, работавшая на Коминтерн и Партшколу. Она размещалась в старом имении недалеко от Москвы, и там готовили разведчиков. Считалось, что шести месяцев тренировок достаточно для того, чтобы подготовить радиооператора. НКВД разместила свои радиостанции в Румынии, Греции, Болгарии, Венгрии, Югославии, Италии, Швейцарии, Франции, Голландии, Германии и вдобавок несколько станций на Ближнем Востоке. Сообщение НКВД с Балкан или Ближнего Востока должно было пройти сложный путь, например через Вену и Або (Финляндия)⁷.

Военные атташе пользовались радио при посольствах, но часто они имели и собственную аппаратуру, а иногда и своих радистов. Несмотря на принцип разделения служб, которым руководствовались все советские работники за рубежом, передатчики военных атташе часто употреблялись и для сообщений других агентов. Такие сообщения вручались военным атташе в закодированном виде.

Вторая мировая война косвенно способствовала развитию радиослужбы советской разведки. После октября 1941 года, когда немецкая армия достигла Москвы и разведывательному центру пришлось эвакуироваться в Куйбышев, отдел радиосвязи увеличился и приобрел важное значение. Был создан ОРД — Особый радиодивизион — оснащенный коротковолновыми передатчиками. Он размещался в Москве на Ленинских горах и был замаскирован под научно-исследовательский институт, который якобы занимался вопросами золотодобычи.

На передатчиках работали военные радисты, знавшие все тонкости коротковолновой связи; некоторые из них впоследствии были посланы за границу в качестве тайных агентов.

Большинство советских разведчиков за границей поддерживали радиосвязь именно с этим большим центром. Штат радиодивизиона состоял из шифровальщиков, специалистов по коротковолновой связи (назначавших частоты и время работы «корреспондентов»), специалистов по систематизации позывных, менявшихся каждый день⁸. В другом здании Москвы, неподалеку от Белорусского вокзала, был завод, где изготавливалась и проходила испытания радиоаппаратура для нужд разведки⁹.

Двойная сущность советской разведки

Сеть советских агентов за рубежом существует в двух видах, каждый из которых работает на дипломатические или военные органы, и этим она схожа со службами других стран. В то же время она является частью международного коммунистического движения, и в этом заключается ее уникальность.

В принципе каждая страна являлась объектом внимания советской разведки, однако были державы, которые считались особо опасными для СССР. Польша и Румыния, соседи и потенциальные враги, были самыми первыми ее целями, начиная с 1918 года. Прибалтийские страны в этот ранний советский период тоже были объектами наблюдения. У южных границ России, в Иране и Турции, закулисная деятельность советской разведки встречала сильное английское сопротивление. На Востоке в то время главной ареной шпионажа были Харбин и Шанхай. Немного позже в центре внимания оказалась Япония.

Но на первом месте всё же были Париж и Берлин. Германия с 1920 по 1933 год служила наблюдательным постом на Западе, но главной целью шпионажа была Франция. Самая сильная держава в то время на континенте, Франция являлась действительным лидером интервенции союзников 1919—1920 годов. Она поддерживала Польшу в ее войне против ленинской России и финансировала перевооружение буферных государств. Было совершенно ясно, что в случае нового конфликта Франция снова будет играть первую роль в анти-советской кампании.

В середине тридцатых годов, после заключения советско-французского соглашения, внимание разведки было перенесено на Германию и Японию, которые превратились в сильных и опасных врагов. Во время войны Германия, естественно, являлась главным объектом советской разведки, но в то же время её взоры всё больше и больше притягивала к себе другая держава — Соединенные Штаты Америки. А с 1943—

1944 годов США превратились в главную мишень. Промышленная, атомная и политическая разведка против них достиг беспрецедентного размаха. Так как Соединенные Штаты заняли позицию ведущей антисоветской страны, ни одна столица по сравнению с Вашингтоном не привлекала такого внимания секретных служб.

Два основных принципа являлись частью теории и практики Коммунистического Интернационала с самых ранних дней: в каждой стране должна быть легальная или подпольная коммунистическая партия, и каждая такая партия обязана поддерживать Советскую Россию всеми доступными способами.

Вначале ВКП(б) была только первой среди равных коммунистических партий, ее интересы не выдавались за первостепенные, и она не собиралась приносить другие родственные партии в жертву Интернационалу. Хотя помощь России конфиденциальной информацией считалась обычным делом, зарубежные коммунисты не считали своей обязанностью заниматься систематическим шпионажем, и никто из них не хотел стать орудием тайных советских операций. Даже Лев Троцкий, несмотря на его особый интерес к новому разведывательному отделу Яна Берзина, резко возражал против слияния коммунистической работы со шпионажем. Троцкий понимал, что коммунистические партии, даже выполняя директивы Коминтерна и принимая от него деньги, должны вести независимую политику, отвечающую взглядам и интересам их членов, и ничто не может быть столь пагубным, как вовлечение их в шпионаж в интересах иностранной державы.

Главный догмат сталинизма — если только в коммунизме существует понятие, которое может быть названо сталинизмом — это приоритет интересов Советской России и подчинение всех людей и партий ее нуждам. Взяв на себя всю полноту власти в 1926—1927 годах, Сталин не раз говорил о серьезных обязательствах пролетариев других стран перед диктатурой пролетариата в СССР¹⁰ В особенности — об их долге пропагандировать переход армий империализма на сторону Советского Союза, подразумевая под этим тайную работу в пользу СССР.

Если в умах коммунистических лидеров и оставались какие-то сомнения в здравом смысле таких функций, то это касалось только практических вопросов. Так как почти в каждой стране время от времени контрразведка разоблачает шпионов, следовало принять некоторые меры предосторожности, чтобы по возможности уменьшить причастность коммуни-

стических партий к неотвратимым скандалам. Никакой риск не мог служить причиной отказа от шпионской деятельности, и Сталин никогда не соглашался освобождать партии-сателлиты от их шпионских задач. Самая крупная уступка, которую он сделал, состояла в том, что он пошел на формальное отделение советского разведывательного аппарата от иностранной коммунистической партии: контакты между партией и этим аппаратом должны быть сведены к минимуму, чтобы никогда нельзя было доказать сотрудничество между ними.

Компромисс решался путем привлечения к спецслужбе видного и надежного функционера, обычно из числа лидеров больших коммунистических партий. Кандидатура утверждалась только после согласования с Москвой. Одной из главных обязанностей было сотрудничество с тайными советскими агентами, а также помощь в других делах, главным образом в подборе новых людей для секретных заданий. Этот человек, однако, никогда не информировал своих товарищей по партии о данной стороне своей деятельности. Таким образом, остальные партийные руководители имели все основания отрицать, что знают что-либо о связях с советскими спецслужбами.

Внешнее и формальное отделение советской разведки от местных коммунистических партий постоянно поддерживалось московскими директивами, особенно после многочисленных арестов тайных агентов в Европе в 1927 году. В Соединенных Штатах во время последней войны эти тенденции даже усилились.

При таком положении вещей лидер коммунистической партии на Западе попадал в странное и очень неопределенное положение. С одной стороны, он был гордым «вождем угнетенных масс» этой страны и должен был презирать «пресмыкающихся» членов правительства. С другой — он являлся активным деятелем подполья и должен был выполнять задания иностранной разведки и рекрутировать новых людей. Таким был типичный коммунистический лидер тридцатых годов по строгой регламентации Советов.

В последующих главах мы покажем роль Жана Креме и Жака Дюкло во Франции, Ганса Киппенбергера в Германии, — членов Политбюро своих партий и тайных агентов Советского Союза. В Швейцарии во время Второй мировой войны очень эффективно работавшая разведгруппа была полностью отделена от компартии, но Леон Николь, лидер местных коммунистов, через своего сына Пьера, помогал этой группе радистами, курьерами, средствами и сведениями о шпионах других стран, действовавших на территории Швейцарии.